

да они ищут внешнего врага и на этой основе прощают себе все. В условиях, когда новое повторяет в своих рядах морально-нравственную сетку старого общества – тогда новое не может родить ничего другого, кроме как очередную модификацию старого общества со старыми ценностями.

Что касается целей, то крах их в такой системе внутренних отношений неизбежен. Поэтому любое сообщество должно начи-

нать с себя, и в основу своих внутренних взаимоотношений закладывать те ценности, за которые оно собирается сражаться. Движение ДОП к этому было, я думаю, ближе, нежели МСоЭС. По этому поводу лучше великого философа Канта не скажешь: “Тот, кто не живет по истине, к которой всех призывает, есть самый большой враг этой истины”.

ПРЕЗИРАВШИЕ УЗДУ

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Я был тарпаном. Нас был целый табун, и мы неслись по степи, перемахивая через холмы и овраги. Земля пролетала у нас под ногами, и мы были свободны от нее, от земли, и от неба, стывущего над головой, и от скучного долга возвращаться домой, на конюшню. У нас не было дома, у нас ничего не было, чем стоило дорожить на земле.

Мы неслись между степью и солнцем, испепеляющими друг друга вечным жаром любви, а может быть, ненависти. Мы неслись между двумя огнями, как стрела, пущенная нам вслед, или пуля, летящая нам навстречу. И на закате, когда, изнемогая, солнце и степь склонялись друг к другу, мы одни не чувствовали усталости.

Мы ничего общего не имели с мустангами, с этими в прошлом домашними лошадьми, которые отказались ходить в узде, но не смогли отказаться от многих старых привычек. Мы никогда не были домашними. Мы всегда презирали узду, даже если она была из чистого золота.

Ф. Кривин

... Погоня безнадежно отставала. Дикая кобыла, как вихрь, мчалась заснеженной степью, легко перелетая большие сугробы, надолго задерживавшие ее преследователей. Покрытые пеной кони, неистовствуя от острога, выбивались из сил, но расстояние все увеличивалось. Агайманское поле еще не видело такого. Растянувшись в бескрайней степи, несколько всадников гнали одинокую дикую кобылу. Ни один из них не смог бы даже приблизиться к ней, но у оче-

редной ложбины кобылу ждали новые преследователи на свежих лошадях. Они старались направить ее к следующей группе, принимавшей эту смертельную эстафету. Так продолжалось много часов. Несчастливая жертва изнемогала от усталости, но до последнего дыхания боролась за свою свободу. Погоня снова отстала, и впереди уже замаячила вольная степь. Но вдруг предательская трещина во льду, припорошенная снегом, поставила точку в этой трагедии:

кобыла с поломанной ногой повалилась на землю, и ее настигли преследователи. Они затащили добычу на сани и повезли в село Агайман (недалеко от Аскании-Нова), где их уже ждала толпа любопытных. Через два дня дикая кобыла умерла, хоть ей и пытались сделать шину на поломанную ногу.

“Вот так последняя представительница когда-то многочисленного рода героически отстаивала свою свободу до самого последнего дня жизни”, – писал об этом Б. Гржимек (1982).

Лошади были неотъемлемой частью природы Евразии, начиная с плейстоцена. На север они доходили до Таймыра и Чукотки. Палеонтологами описано более десятка видов только на территории бывшего СССР (Каталог, 1981). Эти животные встречались в разных природных зонах вплоть до тайги и тундры, а отнюдь не были привязаны к степям и полупустыням. Туда их выжил человек. Главное, что было необходимо лошадям, – твердая почва (Petzsch, Piechocki, 1986). Ни изменения климата, ни другие природные катастрофы не причинили им особого вреда. Они приспособились к выживанию в самых разных условиях и процветали до тех пор, пока один из представителей человекообразных обезьян не возвел себя на трон царя природы. Последовавшие за этим катаклизмы для многих видов животных оказались похуже, чем ледниковый период. Свободные и неукротимые дикие лошади не смогли выжить в условиях всепланетной тирании одного вида. На протяжении длительного периода они принадлежали к основным объектам охоты человека. О масштабах их уничтожения говорит хотя бы такой штрих: у подножия одной из скал у г. Солютре во Франции, где на протяжении многих лет практиковался загон стад к обрыву, нашли кости по меньшей мере 100 тыс. лошадей (Sedlag, 1983).

Одним из видов, который дожил почти до наших дней, был тарпан.

Само это слово – тюркского происхождения. Так кочевые племена называли ди-

ких степных лошадей. Научное название тарпана – *Equus caballus*. Он близкий родственник лошади Пржевальского, многие зоологи вообще объединяют их в один вид.

В исторические времена тарпаны были широко распространены в Европе. Существовали два подвида – лесной и степной тарпаны. Считается, что предковой формой была степная лошадь, лесная появилась позже (Ветуляни, 1952). Лесной подвид встречался когда-то практически по всей лесной зоне Европы. Наскальные рисунки первобытных людей свидетельствуют, что в древности дикие лошади были обычными даже во Франции и Испании. О существовании их в Испании писал и римский историк Варрон. Ископаемые остатки обнаружены в Италии, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Великобритании. Степные тарпаны жили в степной и лесостепной зонах Восточной Европы от Прута до Урала. На север они доходили до Киева, Чернигова, Воронежа. Владимир Мономах в своем “Поучении детям” вспоминал, как он ловил диких лошадей возле Чернигова и на Руси. О стадах диких лошадей на Южном Буге писал Геродот. Еще в 40-х годах XVII в. стада тарпанов встречались на Трубеже недалеко от Киева.

Литовец Эразм Стелла, написавший в 1518 г. книгу о давней Пруссии, свидетельствовал, что там водились большие табуны диких лошадей. Местные жители использовали их мясо в пищу. Дикий лесной конь упоминается в древних германских актах и законоположениях, трудах средневековых писателей, народных легендах и преданиях. Посланник Григория III Бонифаций, который в VIII в. занимался крещением язычников Саксонии и Тюрингии, писал, что местное население охотно употребляет в пищу мясо диких лошадей, на что Папа отвечал, что это – варварский обычай. Еще в XV в. лесные тарпаны водились даже на Датских островах.

Крупным лесным животным было трудно выстоять под натиском человека. Из-за жестокого преследования, вырубki лесов поголовье их таяло, словно снег весной. В

XVII в. погиб последний тур, все меньше становилось зубров, медведей, лосей. К XVI в. лесные тарпаны в Западной и Центральной Европе были полностью истреблены, небольшие стада оставались только в глухих лесах Пруссии, Польши и Литвы. Последний великий магистр Тевтонского ордена А. Гогенцоллерн содержал лесных тарпанов в своем зверинце у Кёнигсберга. Обитали они и в парке графа Замойского в Люблинском воеводстве. Последних тарпанов пытались охранять. Литовский статут запрещал отлов диких лошадей, застрелившего тарпана ожидала смертная казнь (Йовчев, 1982). Тем не менее, к концу XVIII в. они исчезли практически повсеместно. Последним их пристанищем была Беловежская пушча (Каталог, 1981). По другим данным, последний лесной тарпан был убит на территории нынешней Калининградской области в 1814 г. (Соколов, 1979; Sedlag, 1983).

Французский инженер Г. Боплан провел 17 лет в Польше и Украине, строя укрепления. Он писал в 1660 г., что в украинских степях тарпаны ходили табунами по 50–60 голов, нередко они вынуждали путешественников хвататься за оружие – издали их принимали за татарскую конницу. Сейчас это уже звучит как сказка, но в те времена диких лошадей и зубров было столько, что они мешали пограничной страже, за таптывая следы татарских отрядов.

Известный зоолог и путешественник С. Гмелин в 1768 г. исследовал бассейн Дона. Он был одним из первых ученых, давших научное описание степных тарпанов. С. Гмелин писал: *“Лет двадцать тому назад здесь по соседству Воронежа было много диких лошадей, но вследствие вреда, ими причиняемого, они отгонялись все далее в степь”* (цит. по: Браунер, 1923). Он еще застал небольшие стада, найти которые становилось все труднее.

Тарпаны были несколько меньше ростом, чем домашние лошади, отличались от них широкой грудью с крутыми ребрами и большой головой с короткой мордой и выпуклым лбом. В первые годы жизни шерсть была рыжеватой, затем масть становилась

мышастой с черным ремнем по хребту. Черными были также хвост, грива и ноги ниже колен. Зимой шерсть светлела. Характерными для тарпана были короткая и почти прямостоящая грива и короткий хвост (Кеппен, 1896).

Вот как описывает это животное А. Брэм: *“Тарпан – маленькая лошадь с тонкими, но сильными ногами, бабки которых длинные, довольно длинной и тонкой шеей, сравнительно толстой головой с широким носом, острыми направленными вперед ушами и маленькими, живыми, огненными, злыми глазами; шерсть их летом коротка, густа, волниста, особенно на задней части, где ее можно назвать почти курчавой; зимой, напротив, густа, плотна и длинна, особенно на подбородке, где она образует почти бороду; грива короткая, густая, растет кустами и курчавая, хвост средней длины. Равномерный соловый, желтовато-бурый и светло-соловый цвет представляет господствующую окраску его летнего покрова; зимой волосы становятся светлее, даже иногда делаются белыми; волосы на гриве и хвосте выглядят сравнительно темнее. Пегих среди них не бывает, вороные же крайне редки”* (Брэм, 1902).

Дикие кони жили большими табунами, в которых можно было насчитать по несколько десятков, а то и сотен голов. Табун распадался на небольшие “семейные” группировки из одного жеребца и его “гарема”. Косяки тарпанов держались в просторных открытых степях и кочевали с места на место, передвигаясь преимущественно против ветра. Дикие лошади были очень осторожными, держались подальше от людей. Исследователи отмечали, что они нередко обходили даже оставленные на зиму стога сена, несмотря на голод. Дикие степные лошади были очень выносливыми. Они могли бежать много километров без отдыха, причем догнать их не могли и лучшие скакуны. Пока стадо паслось в долине, самец стоял на каком-нибудь возвышении. Он давал знать об опасности и сам уходил последним.

“Жеребец – единственный властелин

общества. – Писал А. Брэм. – *Он заботится об его безопасности, но не терпит зато никаких беспорядков со стороны протезируемых им. Как только случится что-нибудь, жеребец начинает фыркать и быстро поводит ушами, бежит с высоко поднятой головой в определенном направлении и если заметит опасность – громко ржет, а за ним мчится оттуда весь косяк бешеным галопом. Иногда животные вдруг исчезают, как бы по волшебству; это они схоронились в какую-нибудь глубокую впадину и ожидают, что будет дальше. Мужественные в драках и любящие их жеребцы не боятся хищников. На волков они идут с ржанием и убивают их передними копытами*” (Брэм, 1902).

Жеребцы у тарпанов были очень воинственными. Они довольно часто отбивали домашних кобыл. А вот домашнему жеребцу подойти к дикой кобыле удавалось очень редко. Причиняли неприятности тарпаны и чумакам. Случалось, что утром они не досчитывались нескольких выпряженных на ночь кобыл.

Когда тарпаны шли на водопой, к нему первым подходил жоак, и только убедившись в безопасности, звал кобыл. Вообще дикие лошади были очень выносливы к жажде. Им нередко хватало даже росы, которую они слизывали. Для тарпанов были характерны и сезонные миграции. Дикие степные лошади с Агайманского пода (юго-восток нынешней Херсонской области) в холодные зимы переходили через Чонгарский полуостров и Арабатскую стрелку в Крым аж до Феодосии (Кеппен, 1896; Брэм, 1902; Браунер, 1923).

Дикие лошади с древнейших времен были объектом охоты. Их мясо использовали в пищу, из шкур шили одежду. Поймать степных лошадей было чрезвычайно тяжело. Они были очень прыткими и выносливыми, ни один домашний конь не мог их догнать. Более легкой добычей были маленькие жеребята и жеребые кобылы. Отловить взрослого самца удавалось очень редко. Казаки и татары охотились на тарпанов преимущественно зимой. Они загоняли табуны в крутые балки, прыгая в ко-

торые дикие лошади вязли в глубоком снегу. Дальше их ловили арканами. Большинство убивали рогатинами, немногих пойманных тарпанов удавалось приручить настолько, что их можно было запрягать. Дикие лошади могли перевозить больше груза, чем домашние, и были более неприхотливы к пище и условиям содержания. Когда диких и домашних лошадей запрягали вместе, тарпаны становились более смиренными.

Постепенно с освоением степей тарпаны начинают все больше и больше мешать переселенцам. Они вытаптывали и поедали хлеба, отбивали кобыл, вступали в драки с домашними жеребцами. Переселенцы вели с тарпанами беспощадную борьбу. На них уже не просто охотились, а целенаправленно истребляли. Сыграла свою роль в решении судьбы диких лошадей и распашка степей.

Способы охоты на тарпанов были по-настоящему варварскими. По сути, использовались те же методы, которые применяли еще первобытные охотники на крупную дичь (см. Грищенко, 2001), разве что с усовершенствованием технологий. Лошадей загоняли в ловушки, образованными длинными, в несколько верст, веревочными изгородями, которые сходились на клин. Звери бежали вдоль них, а когда доходили до вершины огромного угла, их стреляли. Зимой табуны тарпанов загоняли на скользкий лед рек или в глубокий снег. Там они были беззащитными. Очень много диких лошадей погибло в необычайно многоснежную зиму 1812/1813 гг. Как рассказывали С. Гмелину воронежские крестьяне, косяк неотступно следовал за жоаком. Но стоило его убить, как лошади беспорядочно разбежались в разные стороны и становились более легкой добычей. Этим также успешно пользовались во время охоты. Брали лошадей и измором, используя эстафету со сменой преследователей, описанную в начале статьи. В 1820-х гг. недалеко от Каховки местный почтосодержатель несколько дней днем и ночью преследовал табун из 20–30 тарпанов. Наконец они так обессилели, что их смогли загнать в огра-

ду и всех перебить (Кеппен, 1896; Браунер, 1923).

В 1830-х гг. небольшие табуны тарпанов еще сохранялись в отдельных местах от Южного Буга до Маньча. По данным штутмейстера Стрелецкого конезавода Т.Д. Тимофеева, в начале 1830-х гг. стада их встречались в степях к северу от Северского Донца. Местность эта в то время была покрыта лесами и болотами и оставалась малозаселенной. В 1837 г., когда наследник престола Александр Николаевич был в Новочеркасске, ему привели пойманного неподалеку живого тарпана (Кеппен, 1896).

Но беспощадная война против диких лошадей продолжалась. Дольше всего они продержались в Херсонском, Днепровском и Мелитопольском уездах Екатеринославской губернии. Эти земли долгое время находились на границе между владениями запорожских казаков и ногайских татар, а после присоединения Крыма российское правительство выселило отсюда всех ногайцев, оседлое же население было немногочисленным. На огромных территориях частных землевладений – десятки тысяч десятин – места хватало и тарпанам. Поначалу здесь развивалось овцеводство, распашка степей была незначительной, хуторов в степи не было (Браунер, 1923).

Однако освоение степей шло быстрыми темпами, еще быстрее шло истребление тарпанов, мешавших развитию сельского хозяйства. В конце концов от многочисленных стад остались всего два небольших табуна. Лишь тогда прозвучали первые голоса в защиту диких лошадей. В 1863 г. доктор Зеленкевич писал в “Таврических губернских ведомостях” о том, что необходимо принять распоряжение властей по сохранению этой зоологической редкости. Его поддержал известный русский зоолог Ф.П. Кеппен, который длительное время работал инспектором сельского хозяйства на юге страны и изучал там жизнь диких лошадей. Но и правительство, и земства Херсонской и Таврической губерний остались глухи к этим призывам ученых.

Один из этих оставшихся табунов

прекратил свое существование в 1866 г., одного жеребенка поймали, позже его передали в Московский зоосад. Скелет его хранится в коллекции Зоологического института РАН (Каталог, 1981). От второго табуна к 1870 г. осталась лишь одинокая кобыла, которая держалась у с. Князе-Григорьевка (нынешняя Херсонская область). Она бродила недалеко от табунов домашних лошадей, а когда не было пастухов, даже подходила к ним. На протяжении трех лет эта кобыла становилась все менее дикой. Она привела двух жеребят, которых у нее отобрали.

О ее драматической судьбе рассказал А.А. Браунеру управляющий имением Г.И. Гончаренко: *“Когда это имение было взято в аренду, то там мы застали еще одну кобылицу, останок от косяка в 18 голов, истребленного немцами-колонистами. Она держалась на ровной степи у курганов. В виду того, что за ней уходили лошади, наш табунщик и поймал ее в загоне, куда она пошла за домашним жеребцом. Она жила у нас около года, и, когда ожеребилась, была выпущена с двухмесячным жеребенком на волю (это было в 1872 г. или в 1873 г.) и скоро исчезла. <...> Бежала она чрезвычайно быстро, спугнутая отбегала на версту и останавливалась, оборотившись мордой к врагу, при чем передние ноги ставила на байбачинный курганчик и так стояла долго и неподвижно. Днем никто не видел, чтобы она ела или пила (то же было и в неволе). <...> Родившийся от нее в неволе жеребенок тоже был дик и так умел прятаться между передних ног матери, что его и не заметишь; в отсутствие людей он играл, но при малейшем стуке прятался”* (Браунер, 1923).

Об участи этой кобылы пишет и Б. Гржимек: *“...скрести скребком и вообще прикасаться к себе она не позволяла. А поскольку она покорно давала водить себя за уздечку на водопой, то владелец поместья, по фамилии Дурилин, так упорно старавшийся сохранить эту последнюю дикую лошадь, решил, что она весной доброволь-*

но останется пастись вместе со всем табуном. Но не тут-то было! Как только лошадей выпустили из загона, она с громким торжествующим ржанием убежала далеко в степь. Еще один раз, правда, она вернулась назад, нашла своего жеребенка, но тот не захотел последовать за ней, и она ушла одна, чтобы никогда уже не возвратиться, будто растворилась в необозримой зеленой степи... Ни принуждением и заточением, ни любовью и хорошей кормежкой не удалось сломить бунтарского духа дикой лошади!" (Гржимек, 1982).

Во время рождественских праздников 1876 г. на Агаймманском поле местные крестьяне решили позабавиться и устроили "охоту" за этой кобылой, в результате чего она погибла. Именно она вошла в историю как "последняя из могижан". Правда, по сообщению Ф.Э. Фальц-Фейна, еще две одинокие кобылы тарпана были убиты в 1879 и 1882 гг. (Кеппен, 1896). Последняя тлевшая искорка угасла в 1918 г., когда в конюшне конного завода возле Миргорода умер старый жеребец (Банников, Флинт, 1982)...

Лесной тарпан, прежде чем исчезнуть окончательно, пустил побег среди домашних лошадей. Барон фон Бринкен писал в 1828 г.: "Уничтожение этого животного в Литве было совершено людьми, которые ловили молодых и убивали взрослых. Последние дикие лошади, которые были там пойманы, были переведены в большой зверинец графа Замойского близ города Замостья, где их содержали довольно долго, вместе с другими животными; но, так как они не приносили никакой пользы, примерно лет двадцать тому назад было приказано их переловить и раздать крестьянам" (цит. по: Кеппен, 1896). Крестьяне постепенно приручили этих лошадей и стали запрягать. От них в Польше появилась характерная порода лошадей мышастой масти с черным ремнем по спине и короткой гривой, так называемые конники. Породы домашних лошадей с чертами тарпанов встречаются и в других странах.

Используя породу конников, в 1930-х гг. польские ученые в Беловежской пуще начали проводить эксперименты по восстановлению тарпана. Путем искусственного отбора выделяли лошадей, которые все больше походили на своих диких предков. Так была выведена линия тарпановидных лошадей. Работа прервалась во время Второй мировой войны, многие лошади были убиты, но все же часть стада удалось спасти, и эксперименты были продолжены. Удалось создать стадо, которое выпустили в один из резерватов на Мазурских озерах (Ветуляни, 1952; Йовчев, 1982). Небольшая группа тарпановидных лошадей жила и в советской части Беловежской пущи. Однако это только "макет" неукротимого дикого коня с "живыми огненными глазами". От тарпана остались лишь географические названия, как немой упрек потомкам людей, совершивших злодеяние, – река Конка, левый приток Днепра, по которой когда-то проходила граница между Екатеринославской и Таврической губерниями, ее приток Жеребец, наименования различных урочищ.

Литература

- Банников А.Г., Флинт В.Е. (1982): Мы должны их спасти. М.: Мысль. 1-174.
- Браунер А.А. (1923): Сельскохозяйственная зоология. Госиздат Украины. 1-456.
- Брэм А. (1902): Жизнь животных. 1: 566-567.
- Ветуляни Т. (1952): Проблема тарпана на фоне новейших работ Академии наук СССР по истории лошадей в Старом свете. - Зоол. журн. 31 (5): 727-735.
- Гржимек Б. (1982): Дикое животное и человек. М.: Мысль. 1-256.
- Грищенко В.Н. (2001): Новые мифы о главном: первобытный человек и природа. - Гуман. экол. журн. 3 (2): 56-74.
- Йовчев Н. (1982): По следите на исчезните животни. София: Наука и искусство. 1-150.
- Каталог млекопитающих СССР. Л.: Наука, 1981. 1-456.
- Кеппен Ф.П. (1896): К истории тарпана в России. - Журн. мин-ва народн. просвещ. 1: 96-171.
- Соколов В.Е. (1979): Систематика млекопитающих. М.: Высшая школа. 3: 1-528.
- Petzsch H., Piechocki R. (1986): Urania Tierreich. Säugetiere. Urania Verlag. 1-604.
- Sedlag U. (1983): Vom Aussterben der Tiere. Urania Verlag. 1-216.